

КЪ ВОПРОСУ О ЛОЗАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

(Лозанская конференция и энциклика п. Пія XI *Mortalium animos*).

*Свободенъ бо сый отъ вѣхъ
вѣхъ себѣ поработихъ. да мно-
жайшія приобрящу. Быхъ іудемъ
яко беззаконенъ... быхъ немощ-
нымъ яко немощенъ... вѣхъ быхъ
вся да нѣкако нѣкія спасу.*

(I Кор. 9, 19-22).

*Любы долготерпитъ, милосерд-
ствуетъ... не превозносится...
... не щетъ своихъ си!.. не
радуется о неправдѣ, радуется
же о истинѣ вся покрываетъ,
всему вѣру емлетъ, вся уповаешь.
вся терпитъ.*

(I Кор. 13, 4-7).

I.

Лѣтомъ 1927 года состоялась въ Лозаннѣ конференція по вопросамъ вѣры и церковнаго строя (*on Faith and Order*). Она является пока самымъ яркимъ и сильнымъ выраженіемъ того неудержимаго стремленія всего христіанскаго міра къ единенію, которое обнаруживается за послѣдніе годы, съ особенной силой послѣ войны*). Она была торжественной манифестаціей —

*) Вѣра во Христа, какъ Сына Божія, является догматическимъ базисомъ конференціи, что нашло и официальное подтвержденіе въ принятіи доклада объ общемъ исповѣданіи вѣры — *in ipse contradicente*, какъ оно провозглашено въ Священномъ Писаніи и свидѣтельствуется и подтверждается во вселенскомъ исповѣданіи, именуемомъ Никейскимъ символомъ вѣры (*Nicaenum*), также и въ апостольскомъ (*Apostolicum*).

Т. обр., всей Лозанской конференціей приеменяется православный символъ вѣры (какъ и принятый преимущественно въ католической церкви «апостольскій»). Поэтому теченія т. наз. либеральнаго протестантизма («іезуанизма»), отрицающія божественность Хри-

конечно еще не единства, но, во всякомъ случаѣ, стремленія къ нему, существующаго во всемъ христіанствѣ. Ея прямыя *догматическія* достижения — въ смыслѣ устраненія разногласій — не были существенны: разногласія были лишь констатированы безъ попытки примиренія. Зато положительное *религіозное достиженіе* было значительно: здѣсь почувствовалось по новому и съ новой силой, что *весь* христіанскій міръ вѣритъ и любитъ Господа І. Христа, духовно питается св. Евангеліемъ и Словомъ Божиимъ съ живущимъ въ немъ Духомъ Святымъ, Который дышетъ гдѣ хочетъ, и никто не знаетъ, когда Онъ приходитъ и куда уходитъ. Въ этомъ состоитъ подлинный и добрый «панхристізмъ» конференціи, по жесткому выраженію папской энциклики *mortalium animos* остерегающей католиковъ отъ участія въ этомъ движеніи. Ибо для всѣхъ христіанъ *) во-истину Христосъ есть одинъ и тотъ же, альфа и омега, начало и конецъ, и основное значеніе этого факта не можетъ заслоняться никакимъ раздѣленіемъ (какъ и католическимъ «панпапизмомъ», который въ энцикликѣ, очевидно, противопоставляется «панхристізму»). Хотя, конечно, въ церковномъ сознаніи нѣтъ мѣста различію между истинами вѣры *fundamentalia* и *non fundamentalia*, ибо есѣ онѣ одинаково истинны и существенны, однако, остается различіе въ степени ихъ проявленности (*dogmata explicita* и *implicita*), а также въ ихъ взаимоотношеніи при обоснованіи. Зерномъ же изъ котораго вырастаетъ *вся* христіанская догматика, — исторически, не безъ колебаній и отклоненій, медленно и съ постепенностью, — является конечно исповѣда-

ста, не были представлены на конференціи или, во всякомъ случаѣ, себя не обнаруживали. Къ сожалѣнію это не помѣшало тому, что во вступительной части энциклики Лозанскому начинанію, движимому вѣрою въ Господа Іисуса Христа и любовью къ Нему, дана такая характеристика: «они знаютъ, что трудно найти человѣка, лишеннаго всякаго религіознаго чувства; видимо они также надѣются легко достигнуть того, чтобы народы, хотя они и держатся разныхъ мнѣній по религіознымъ вопросамъ, братски согласились въ исповѣданіи нѣкоторыхъ доктринъ, какъ и въ нѣкоторомъ общемъ основаніи духовной жизни. По этой причинѣ они имѣютъ обыкновеніе собирать съѣзды, собранія, конференціи съ немалымъ числомъ слушателей и приглашаютъ на свои обсуждения безразлично какъ *язычниковъ всякаго рода* (*ethnici omne genus*), такъ и *вѣрующихъ во Христа* (*christi fideles*); какъ *тѣхъ, кто имѣлъ несчастье отпасть отъ Христа*, такъ и *тѣхъ, которые настойчиво и упорно отрицаютъ божественность Его природы и посланничества*».

Правда, это не сказано *прямъ* о Лозанской конференціи, однако именно по поводу ея.

*) Cf. Dean Bell. Documents on Christian unity. 1920-4. Oxford. London. 1924.

ніе ап. Петра на пути къ Кесарію Филиппову: *Ты еси Христось Сынъ Бога живаго.* (Мѣ. 16, 16), и эта вѣра есть камень основанія Церкви, и она именно была проповѣдана апостолами. *Безъ* этой вѣры нѣтъ христіанства, и она въ себѣ уже заключаетъ возможность пріятія *всѣхъ* догматовъ. Послѣдніе, однажды открытые, являются одинаково существенными, однако до времени они могли и отсутствовать въ сознаніи, какъ и нынѣ отсутствуютъ — по заблужденію или ограниченности — во многихъ протестантскихъ общинахъ. Та простота первохристіанства, которой ищутъ благочестивые протестанты, есть именно это *начальное* состояніе догматической вѣры, которую, конечно, неправильно задерживать въ этой начальной стадіи, но однако, нельзя умалить и ея первоосновности. И въ Лозаннѣ было нѣчто отъ этого первохристіанскаго свѣта въ жизненномъ ощущеніи того, что всѣ христіане вѣрятъ, и любятъ, и поклоняются Господу І. Христу, Владыкѣ неба и земли, и что всѣ они содержатъ единое Евангеліе Царствія. (Формально это выразилось въ единодушномъ и единогласномъ принятіи пераго отчета о миссіи Церкви въ мірѣ — Евангеліи). Въ религіозной жизни откровеніемъ можетъ быть иногда переживаніе не только новыхъ, но и уже извѣстныхъ истинъ, однако практически забываемыхъ и потому жизненно утрачиваемыхъ. Такимъ откровеніемъ Лозанской Конференціи и было соборное переживаніе вѣры во Христа и благодатное озареніе отъ Его приближенія: *не сердце ли наю горя бѣ въ наю, егда глаголаше нама на пути?* (Лк. 24, 32). Чужіе и далекіе, разноплеменные и разноязычные въ этомъ стали близки другъ другу: нѣчто *совершилось*, и объ этомъ духовномъ *событіи* хранятъ отвѣтственную память его участники. Не слѣдуетъ преуменьшать также и религіозно-психологическаго значенія личныхъ встрѣчъ и личныхъ связей, возникшихъ между представителями разныхъ исповѣданій, которыя доселе приыкли болѣе обличать и анаематствовать, нежели взаимно выслушивать, и понимать другъ друга. Объ этомъ писалъ еще кардиналь Мерсье своему клиру по поводу встрѣчи въ Малинѣ, католиковъ съ англиканами.

Les hommes sont fait pour s'aimer les uns les autres; il n'est pas rare que des coeurs mutuellement etrangers qui auraient pu, à distance se croire ennemis, goûtent à se comprendre, un charme pénétrant qu'ils n'auraient pas soupçonné. C'est peut être la première fois, depuis quatre cents ans, disait l'un d'eux, que des hommes d'études, protestants et catholiques, aient pu s'entretenir avec une franchise entière pendant des heures et des heures, sur les sujets les plus graves qui intellectuellement les divisent, sans qu'un instant la cordialité de leur rapports en ait été troublée ni leur confiance dans l'avenir deconcerté. Assurément, le rappro-

chement des coeurs n'est pas l'unité dans la Foi, mais il y est disposé. *)

«Pourquoi ces conversations? — ставить передъ собой вопросъ кардиналь Мерсье и даетъ на него слѣдующій отвѣтъ: Tout d'abord, parceque je n'ai pas le droit de me dérober à une occasion qui vient à moi de faire un acte de charité fraternelle et d'hospitalité chrétienne»**).

Достаточно сопоставить съ этимъ заявленіемъ теперешнее *запрещеніе* католикамъ участвовать въ сѣздахъ (conventus) съ не-католиками въ энцикликѣ***), чтобъ измѣрить разстояніе между этими двумя датами. Теперешнее заявленіе apostolicae sedis является особенно неожиданнымъ въ устахъ папы, который единеніе христіанскаго міра (хотя бы и въ римскомъ пониманіи) объявилъ задачей своего понтификата. По смыслу энциклики, католикамъ возбраняются всякія догматическія естрѣчи со всѣми не-католиками, ранѣе нежели послѣдніе, раскаявшись въ заблужденіяхъ, не вступятъ въ католическую церковь, въ частности, не признаютъ Ватиканскаго догмата и не войдутъ въ подчиненіе папѣ****). Энциклика отличается въ этомъ предѣльной исключительностью, притомъ не въ отношеніи къ возможности соединенія, о которомъ пока нѣтъ и рѣчи, но даже и внѣ-церковнаго или при-церковнаго общенія, которое въ наши дни приобретаетъ столь жизненное значеніе. Еще недавно происходившія Малинскія собесѣдованія съ «протестантами» теперь какъ будто исключаются по смыслу послѣдней энциклики. Я уже не говорю о разныхъ формахъ общенія съ православными, которыя еще такъ недавно допускались Римомъ; официально поощряемые Велеградскіе конгрессы, также и частныя встрѣчи богослововъ

*) Bell, l. c. 354-5. Далѣе к. Мерсье ссылается какъ на примѣръ, на энциклику п. Пія XI Ecclesiam Dei, въ которой онъ призываетъ латинянь и восточныхъ къ взаимному пониманію и устраненію предубѣжденій.

***) L. c. 357. Далѣе Мерсье ссылается на посланіе п. Льва XIII *Amantissimae Voluntatis (ad Anglos)*, 14 апрѣля 1895 г., гдѣ говорится: «in rebus enim magnis atque in arduis si modo sint sincero et bono animo susceptae, adest homini Deus».

****) nec eorum conventum Apostolicam Sedem ullo pacto participare posse nec ullo pacto catholicis licere talibus inceptis vel suffragari vel operam dare suam...

*****) Пытаются (и съ католической стороны) образить остріе этой энциклики исключительно противъ протестаговъ, но не противъ православныхъ. Однако текстъ ея совершенно не позволяетъ такого истолкованія, п. ч. въ немъ Ватиканскій догматъ, отвергаемый православными, посвященъ въ одномъ ряду съ догматами св. Троицы, боговоплощенія, непорочности зачатія Богородицы, а въ другомъ мѣстѣ говорится о томъ, что въ церкви не пребываетъ никто, кто не подчиняется власти и авторитету преемника Петра, а, слѣдоват., и qui Photii novatorumque erroribus implicantur.

православныхъ и католическихъ, которыя дарали большое духовное удовлетвореніе, повидимому, обѣимъ сторонамъ и являются несомнѣнно желательными и плодотворными. (Даже къ участию въ Ватиканскомъ соборѣ были посланы приглашенія и не католикамъ, именно главамъ православныхъ церквей). Конечно, такая исключительность есей тяжестью ложится, прежде всего, на самихъ католиковъ, поставляемыхъ въ положеніе ненужной и вредной для христіанскаго дѣла изолированности. Будемъ надѣяться, что здѣсь она будетъ исправляема жизнью, но въ отношеніи къ дѣлу Лозанской конференціи дѣло, очевидно, рѣшено безповоротно. Между тѣмъ, сама Лозанская конференція была исполнена желанія имѣть въ своей средѣ представителей католическаго міра, конечно, отнюдь не въ качествѣ договаривающейся стороны, но какъ представителей самой могучей вѣтви зап. христіанства, для выраженія своего собственнаго ученія и для личнаго духовнаго сближенія, однимъ словомъ, для тѣхъ самыхъ цѣлей, ради которыхъ кардиналъ Мерсье благословилъ Малинскія бесѣды. Безспорно, какъ это неоднократно высказывалось въ рѣчахъ и въ печати*), что начавшееся сближеніе христіанскаго міра остается одностороннимъ и неполнымъ, пока отъ него сторонятся католики. И какова бы ни была непримиримость Ватикана, съ противоположной стороны должно по прежнему дѣлаться все возможное, чтобы привлечь католическій міръ къ участию въ начинающемся мировомъ движеніи. Къ сожалѣнію, придется еще разъ на этомъ примѣрѣ констатировать, насколько западный церковный міръ еще не изжилъ своего раскола и духовно болѣетъ имъ.

Сильная сторона энциклики *mortalium animos* состоитъ въ томъ, что въ ней ставится вопросъ о самой возможности такого начинанія, какъ Лозанская конференція, объ его догматическомъ смыслѣ и предпосылкахъ. Анализъ ея въ этомъ отношеніи представляетъ для православныхъ тѣмъ большій интересъ, что подобная же исключительность свойственна и православнымъ кругамъ (католизирующаго направленія), хотя по существу различіе между православіемъ и католичествомъ на этомъ примѣрѣ выступаетъ съ особой яркостью.

II

Какова же дѣйствительная база Лозанской конференціи и междувѣроисповѣднаго объединительнаго движенія, ея догматическая предпосылка? Какъ оно возможно при наличіи глубокихъ догматическихъ расхожденій? Разумѣется здѣсь менѣе всего

*) См. очень интересную статью Prof. Heiler. — *Ergebnisse und Forderungen der Lausanner Weltkonferenz* (Intern. Kirchl. Zeitsch. Н. 1. 1928).

можетъ идти рѣчь о какой-либо догматической амальгамѣ, или новомъ исповѣданіи, которае возникло бы на основѣ соглашенія, путемъ выведенія за скобку общаго для всѣхъ исповѣданія и отбрасыванія всего остальнаго. Папская энциклика именно такимъ образомъ изображаетъ эту задачу*). Однако, подобный релятивизмъ едва-ли способенъ кого либо удовлетворить, кромѣ, можетъ быть, мелкихъ протестантскихъ сектъ, легко возникающихъ путемъ дробленія и столь же легко исчезающихъ путемъ слиянія. Конечно, и ихъ объединеніе само по себѣ есть извѣстное благо и составляетъ нѣкоторое достиженіе. Однако, такой релятивизмъ, чуждый большинству исповѣданій, совершенно не совмѣстимъ съ православіемъ, которое сознаетъ себя единою истинною апостольскою церковью, обладающей полнотою и неповрежденностью преданія и апостольскимъ преемствомъ іерархій. Абсолютизмъ православія въ этомъ смыслѣ нисколько не меньше нежели римской церкви, хотя и различны пути ихъ, и, конечно, для православія также не можетъ быть иной задачи для объединительнаго движенія, какъ всѣхъ соединить въ лонѣ Православія, *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*. Или, говоря словами энциклики, *christianorum enim coniunctionem haud aliter foveri licet, quam fovendo dissidentium ad unam veram Christi Ecclesiam reditu.*

Участіе представителей православныхъ церквей, разумѣется возможно лишь на условіи сохраненія полноты и чистоты православія, какъ это и было торжественно засвидѣтельствовано въ особой деклараціи, подписанной всѣми безъ исключенія представителями православныхъ церквей, которые присутствовали на конференціи. И однако, этотъ догматическій максимализмъ, совершенно естественный и неустранимый для Церкви, не составляетъ православныхъ сдѣлать того вывода, который, исходя изъ того же догматическаго максимализма, дѣлаетъ римская церковь.**)

Конечно, самымъ прямолинейнымъ выводомъ являет-

*) ...candem (unitatem) optari quidem posse et fortasse per communem voluntatum inclinationem aliquando effici, sed communem voluntatum inclinationem aliquando effici, sed connemticium quiddam interea habendam esse. Addunt, Ecclesiam per se, seu natura sua, in partes esse divisam, idest ex plurimis ecclesiis seu communitatibus peculiaribus constare, quae, disiunctae adhuc, etsi nonnulla capita habent communia, tanem in reliquis discrepant; iisdem sane iuribus frui singulas... Oportere igitur aint controversiis vel vetustissimis sententiarumque varietatibus, quae christianum nomen ad hunc diem distinent, praetermissis ac sepositis, de ceteris doctrinis communem aliquam credendi legem effici ac proponi, cuius quidem in professione fidei omnes non tam notint quam se fratres esse...»

**) Et quo pacto, rogamus, unum idemque fidelium foedus participant homines qui contrarias in sententias abeunt. Далѣе указывается рядъ примѣровъ догматическихъ расхожденій, пренебреженіе которыми ведетъ или къ догматическому индифферентизму или — модернизму-релятивизму.

ся еовсе не общаться съ еретиками, что указано и канонами. Этотъ выводъ, не чуждый и православнымъ кругамъ, едва ли является соответствующимъ примѣру ап. Павла, который хотѣлъ *для всѣхъ быть всѣмъ, да нѣкако нѣкія спасетъ*. Дѣйствительно каноны запрещаютъ молиться и общаться съ еретиками, однако, смыслъ и сила этого запрещенія въ томъ, чтобы дѣйствительно не проявлялся догматическій индифферентизмъ или даже воля къ еретичествуоганію.*) Когда же этой воли нѣтъ и, напротивъ, есть стремленіе къ единенію во Христѣ, прямолинейное примѣненіе этихъ каноноеъ было бы фарисейскимъ отцѣживаніемъ комара и поглощеніемъ верблюда. Поэтому буква этихъ каноноевъ справедливо оставляется одинаково и православными епископами, когда они, напр., входятъ въ общеніе, даже и молитвенное, съ англиканами, и католическими, когда они собираются на малинскія или велеградскія бесѣды, конечно, также благословляя ихъ молитвою. Молитвенное единеніе составляетъ даже особую силу подобныхъ собраний. Разумѣется, оно имѣетъ свои границы, и притомъ довольно узкія. Для православныхъ исключена возможность общенія таинствъ и трапезы Господней съ не-православными, которое сравнительно такъ легко для протестантовъ. (На Лозанской конференціи, отдаваясь влеченію къ единству, вступали въ евхаристическое общеніе предста вители протестантскихъ общинъ, между собою доселе раздѣленныхъ). Общеніе въ таинствахъ, предполагающее единство іерархіи апостольскаго преемства, остается, конечно, дѣломъ еще далекаго будущаго (его еще нѣтъ, въ силу догматическихъ расхожденій, даже между православіемъ и католичествомъ, незырая на взаимное признаніе и силы таинствъ и священства).

Воинствующая ересь и схизма, раскалывающія Церковь, конечно, вызываютъ къ себѣ отъ нея прещенія и необходимую самооборону. (Это и сейчасъ имѣетъ мѣсто по отношенію къ воинствующему сектантству). Но общества, изжившія или изживающія свою волю къ раздѣленію и ощутившія, напротивъ, стремленіе къ воссоединенію *несмотря* на совершившееся уже и сдѣлавшееся наслѣдственнымъ раздѣленіе, заслуживаютъ ли они лишь суроваго отверженія съ прямолинейнымъ требованіемъ — раскаяться и подчиниться, ранѣе чѣмъ осознано, почему нужно каяться и подчиняться? Можетъ быть, это и примѣнимо иногда въ случаяхъ индивидуальныхъ обращеній, но едва-ли въ этомъ всегда есть побрая педагогія апостольская — *для всѣхъ быть всѣмъ, да нѣкако нѣкія спасти*.

Нужно и возможно *общеніе между христіанами*, не только

*) Подробнѣе я разсматривалъ этотъ вопросъ въ очеркѣ «Церковь и инославіе» на страницахъ Пути.

живущими въ Церкви, но и отъ нея отколовшимися и даже еще не замѣчающими, не сознающими совершившагося отдѣленія.

Церковь соборна, не только въ смыслѣ каѳоличности, которой противится всякій духовный провинціализмъ но и въ смыслѣ собиранія сердець — въ любви и единомысліи. И соборность осуществляется въ *соборованіи*, которое можетъ быть многочасно и многообразно. На первомъ вселенскомъ соборѣ къ бесѣдамъ допущены были даже языческіе философы, и въ этомъ видимъ выразительный образъ пераго вселенскаго собороганія. Собороганіе между разными христіанскими исповѣданіями, разъ оно стало духовно возможнымъ и даже необходимымъ, открываетъ широкія и неограниченныя возможности сближенія и догматическаго уразумѣнія друга друга, которое до сихъ поръ совершалось лишь чрезъ посредство мертваго печатнаго слова, безъ личнаго взаимнаго пониманія въ любви. Поэтому дѣйствительныя разногласія преувеличиваются еще и взаимнымъ непониманіемъ. Сколько историческихъ ранъ и догматическихъ недоразумѣній вслѣдствіе односторонности выраженія и неточности человѣческаго слова, можетъ быть сглажено, а, можетъ быть, и устранено, и тѣмъ самымъ приближено уразумѣніе единой церковной истины, которая побѣждаетъ неотразимостью своею. Конечно, нужно заранѣе отказаться отъ мысли о единообразіи и нивелированіи всѣхъ психологій и мѣстныхъ преданій, что во все и не требуется единствомъ Церкви. Конференція не есть церковный соборъ въ точномъ смыслѣ слова, потому что онъ можетъ включать въ себя только членовъ Церкви, но она не есть и внѣцерковное, чисто мірское собраніе, или съѣздъ. Это есть все таки при-церковное, а постольку уже и церковное собороганіе. Вѣдь даже оглашенные, но еще некрещенные имѣютъ доступъ къ литургіи оглашенныхъ и, стало быть, не являются чуждыми церкви. Но тѣ христіане, которые *крещены* — крещеніемъ во имя св. Троицы, всегда сохраняющимъ силу, и которые, слѣдствительно, уже рождены для Церкви, какимъ образомъ оказываются *внѣ* ея? И тѣмъ болѣе, это надо сказать о тѣхъ, кто, сохраняя законное священство, имѣютъ черезъ него и есѣ другія таинства, хотя и пребываютъ въ отдѣленіи.*) Очевидно, обычныя каноническія и догматическія, различія знающія только два состоянія: принадлежности или непринадлежности къ Церкви, для теперешняго положенія вещей недостаточны, они должны быть утончены и усложнены. Крещеніе, живая вѣра въ Господа и любовь къ Нему, св. Евангеліе не остаются

*) Согласно пониманію римской церкви, всякая крещеная душа, знаетъ она это или не знаетъ, является поделастной папѣ въ силу принадлежности къ Церкви.

безсильными и бездѣйственными.*) Это и есть реальная мистическая почва для начинающагося единенія, которое можетъ возрасти. Соединеніе христіанскаго міра не достигается «пактомъ», человѣческимъ соглашеніемъ и измышленіемъ. Оно можетъ совершиться лишь вдохновеніемъ любви ко Христу и дѣйствиємъ Св. Духа. Оно есть чудо, превышающее чувствескія силы, но христіане должны молить о чудѣ и вѣрить въ чудо. Нельзя *мириться* съ раздѣленнымъ состояніемъ христіанскаго міра, всегда надо чувствовать въ сердцѣ рану отъ этого раздѣленія. И православное соборованіе съ любовью открываетъ сердце и инсلافію, ради той подлинной и искренней любви къ Господу, которую послѣднее имѣетъ, несмотря на то многое, его око не имѣетъ, нерѣдко по винѣ не современниковъ, но исторической. Православіе есть не только статика, достигнутое состояніе полноты, сокровище истинной вѣры, сохраняемое неизмѣнно до конца вѣковъ, но и динамика, дѣйствующая въ христіанскомъ мірѣ, его закваска, такъ сказать, — внутренняя логика христіанства. Какъ «душа по природѣ христіанка», такъ и церковность по силѣ вещей ведетъ къ Православію въ мѣру своего роста и углубленія. И Православію устранить отъ этого великаго и святаго дѣла, совершающагося въ мірѣ, было бы грѣхомъ нелюбви и нерадѣнія. Конечно, это возлагаетъ бремя неудобноносимое на насъ, слабыхъ и немощныхъ, но сила Божія и въ немощи совершается.

На основаніи сказаннаго, Православіе, оставаясь самимъ собой во всей своей неизмѣнности и отнюдь не становясь въ положеніе одной изъ договаривающихся сторонъ, имѣетъ полную возможность *соборовать* съ инославными христіанами, помогая имъ въ ихъ исканіи единой истинной церковности. Этого требуетъ отъ Церкви материнская забота и любовь къ разсѣяннѣмъ чадамъ Божиимъ, да будутъ они едино во Господѣ и въ Церкви Его.

Но почему эти соображенія не могли бы имѣть такую же силу и для католичества? Неужели только мнимое внѣшнее уничиженіе—ехожденіе въ конференцію въ качествѣ одной изъ многихъ «церквей», а не единственной? Но такая чувствительность противорѣчила бы духу пастырской дѣбры, готовности для всѣхъ быть всѣмъ: развѣ же можно требовать, въ самомъ дѣлѣ, отъ протестантскихъ исповѣданій чтобы они оставаясь въ своемъ теперешнемъ состояніи, могли иначе опредѣлить свое взаимоотношеніе, и развѣ не именовался нѣкогда римскій пербосвященникъ *servus servorum Dei*? Думается, что дѣйствительная, болѣе глубокая и общая причина отстраненія Рима заключается въ томъ, что римская церковь есть *прежде всего* церковно-юридиче-

*) Ср. у d'Herbigny. *Theologica de Ecclesia*, II, § 326 sqq., thesis XXVII, гдѣ перечисляется, что имѣютъ и чего не имѣютъ *coetus acatholici*.

ская организація ієрархическаго *властвованія* имѣющая свое средоточіе въ папѣ, и лишь во вторую очередь единеніе въ любви. Недаромъ, въ энцикликѣ говорится такъ много о Ватиканскомъ догматѣ, наряду съ основными христіанскими догматами, и вообще о власти римскаго первосвященника. Признаніе этой власти и подчиненіе ей есть *prius* соборованія съ Римской Церковью. Ватиканскій догматъ сталъ здѣсь впереди Никейскаго, папская непогрѣшимость заслонила Евангеліе. Такое препятствіе совершенно отсутствуетъ въ православіи, для котораго каноническое общеніе является не условіемъ, но послѣдствіемъ, осуществленіемъ достигнутаго церковнаго единства, и любовь выше закона. Поэтому оно *свободно*, въ путяхъ соборовнія, которые для католичества оказываются преграждены Ватиканскимъ догматомъ. Вотъ главный выводъ, который можетъ быть сдѣланъ на основаніи энциклики п. Пія XI, который началъ именно съ призыва къ единенію и соборованію на почвѣ взаимнаго «ириническаго» сближенія и ознакомленія. Эти ириническія устремленія нынѣ оказываются преодоленны ватиканскими. Остается надѣяться, что даже и эта энциклика не закроетъ возможностей и путей христіанскаго общенія съ представителями католической богословеской мысли.

Я знаю, что противъ всего сказаннаго можетъ быть указано на есю дѣйствительную духовную опасность интерконфессіонализма. Однако, прошли уже тѣ времена, когда вообще можно было замыкаться и изолироваться отъ міра, какъ бы въ монастырской оградѣ. Церковь окружена теперь бушующей стихіей, непрестанно взметающей свои волны и въ ея ладью. И предъ лицомъ враждебнаго антихристіанскаго движенія должны стягиваться разрозненныя силы христіанскаго воинства и искать и хотѣть взаимнаго пониманія. «Ищите и обряцете». Но, конечно, для этого нужно удерживать живую и крѣпкую связь съ Церковью, знать свою духовную крѣпость, откуда можно выходить и куда возвращаться для укрѣпленія. Эта крѣпость есть наша святая, соборная, апостольская, праславная Церковь.

III

Дѣло Лозанской конференціи должно продолжаться въ мірѣ. Но какими путями? Очевидно, что прямое повтореніе ея, столь трудно осуществимое, нежелательно и даже невозможно: *non bis in idem*, и послѣ перваго шага должны слѣдовать дальнѣйшіе. Въ Лозаннѣ совершилось всеобщее исповѣданіе вѣры въ Господа Иисуса Христа Сына Божія, и на этомъ камнѣ нужно утверждать Церковь Его. Въ Лозаннѣ была исповѣдана вѣра въ св. Евангеліе, какъ книгу Живота Вѣчнаго, и теперь нужно

выявлять эту общую вѣру. Въ Лозаннѣ было провозглашено Никейское и Апостольское исповѣданіе вѣры, и нынѣ необходимо развернуть все его содержаніе. Въ Лозаннѣ главной задачей было установленіе необходимаго единства вѣры и исходнаго единомыслія, при чемъ сознательно обходились и даже отстранялись элементы раногласія, теперь время безстрашно приступить къ обсужденію именно вопросовъ разногласія, въ духѣ назиданія, терпѣнія, любви, съ желаніемъ прежде всего понять другъ друга, уразумѣть смыслъ и силу разногласія. Общій потокъ долженъ раздѣлиться на отдѣльные каналы, «икуменическій» порывъ осуществляться въ детальной работѣ. Должна быть создана икуменическая «символика», сравнительное вѣровѣдѣніе христіанства, однако не характера «обличительнаго богословія», имѣющаго цѣлью нападеніе и оборону, но ириническаго обсужденія вопросовъ, которые сдѣлались спорными и раздѣляющими. Такое любовное и мирное отношеніе къ догматическому противнику отнюдь не означаетъ догматическаго индифферентизма, которымъ пугаетъ насъ энциклика, ибо твердость и вѣрность истинѣ отнюдь не означаетъ враждебной нетерпимости. Заблужденія нерѣдко являются полуистинами и односторонностями мысли или даже только ея словеснаго выраженія, «отвлеченными началами», по выраженію Вл. Соловьева, которые могутъ найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто при свѣтѣ истины.*)

Такимъ образомъ слѣдуетъ не бояться контроверсъ, но даже идти на нихъ — этотъ путь указывается намъ теперь, и успѣшность или неуспѣшность этого дѣла покажетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и степень зрѣлости самаго начинанія которое все равно не можетъ задерживаться въ стадіи неопредѣленности и недоговоренности. Однако наряду съ этимъ негативнымъ методомъ контроверсъ должно слѣдовать и позитивному методу взаимнаго знакомства съ тѣмъ что составляетъ истинное сокровище духовной жизни, ея особые духовные дары.

Отсюда слѣдуетъ, что работа догматическаго изученія и сравнительнаго знакомства съ религіозной жизнью христіанскихъ общинъ на долгое и неопредѣленное время должна явиться главнымъ дѣломъ объединительнаго движенія. Должно начаться продолжительное предварительное соборованіе подготовляющее *соборъ* вселенскаго христіанства. Для этой работы должны быть намѣчены и созданы соотвѣтствующія учрежденія. Такъ, прежде всего, вмѣстѣ съ проф. Heiler, я поддерживаю мысль о созданіи постояннаго учрежденія — «икуменическаго

*) Не являются-ли въ этомъ смыслѣ «отвлеченными началами» и нѣкоторыя контроверсы между католичествомъ и протестантизмомъ. И не призвано-ли православіе, чуждое реформации, произнести въ такихъ случаяхъ свое примиряющее сужденіе?

института изслѣдванія» или академіи въ которомъ приняли бы участіе ученые богословы разныхъ теченій въ христіанствѣ*) (причемъ, конечно, должна быть снова сдѣлана попытка привлеченія и католическихъ богослововъ). Это учрежденіе могло бы устраивать богословскіе сѣзды и готовить матеріалъ для будущей, хотя и въ отдаленномъ времени предстоящей, конференціи. Второй задачей этого учрежденія является созданіе икуменической литературы дискуссионнаго характера: журнала, сборниковъ, книгъ по основнымъ вопросамъ, раздѣляющимъ разныя исповѣданія, съ цѣлью вызвать не столько «обличеніе», сколько догматическую бесѣду или даже споръ который помогъ бы понимать другъ друга. Отсутствіе такого рода литературы составляетъ немалое препятствіе къ дальнѣйшему сближенію. «Любовь всему вѣритъ и всему надѣется» (I Кор. 13, 7). И если обычно въ догматическихъ разногласіяхъ естественно предполагается еретическое упорство и злая воля, то здѣсь можно надѣяться на дѣйствительное нахожденіе пути къ уму и сердцу противника. На путь созданія соотвѣтствующаго (соціального) международнаго института съ періодическимъ изданіемъ уже вступила стокгольмская конференція, и онъ естественно указывается и для Лозанской.

Каковы первоочередные вопросы, которые подлежатъ икуменическому обсужденію или вселенскому соборованію? Это, прежде всего, вопросы экклезіологическіе: о природѣ Церкви и о священствѣ; о таинствахъ и въ особенности объ Евхаристіи. Сюда слѣдуетъ присоединить вопросъ объ искупленіи. Но въ первую очередь долженъ быть поставленъ вопросъ, прямо вытекающій изъ принятія Никейскаго символа, — о смыслѣ и силѣ почитанія Богоматери (какъ на это я указывалъ еще и на конференціи). Этотъ вопросъ болѣе всего раздѣляетъ христіанскій міръ, и отношеніе къ нему должно быть приведено къ полной ясности. Все это предполагаетъ долгій и трудный путь изученія, обсужденія, споровъ. Однако спорящими являются уже не враги, но друзья, ищущіе понять другъ друга, и, болѣе того, братья о Господѣ, хотя и доселѣ *fratres separati*.

Конечно, сказанное не исключаетъ возможности и даже желательности общихъ и частныхъ сѣздовъ для оживленія братскихъ чувствъ, для личныхъ встрѣчъ, и, наконецъ, для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ, назрѣвшихъ и подготовленныхъ, хотя и не въ нихъ долженъ лежать сейчасъ центръ тяжести. Въ качествѣ пожеланія могу выразить мысль, что первый такой общій сѣздъ долженъ быть — маріологическимъ.

Августъ 1928.

Прот. Сергій Булгаковъ.

*) См. цит. статью.